

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

А85 **Арсеньева Елена.**
Венецианская блудница: [роман] / Елена
Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. —
(Венецианский детектив).

ISBN 978-5-04-103775-8

Двух дочерей родила в Венеции жена русского князя Казаринова, но восемнадцать лет пребывала в уверенности, что у нее лишь одна дочь – Александра. И вот юная красавица готовится к свадьбе с блестящим князем Андреем Извольским. Как назло, именно в это время ее сестра, некогда похищенная авантюристом Бертоломео Фессалоне, спасаясь от мести рокового красавца Лоренцо, заявила в Россию, чтобы потребовать свое имя, свое состояние, свое счастье... Александра и Лючия похожи как две капли воды, и клубок, в который в одночасье сплелись их судьбы, не так-то просто распутать...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Арсеньева Е., 2019**
© **Оформление.**
ISBN 978-5-04-103775-8 **ООО «Издательство «Эксмо», 2019**

Две дамы, завладев моей душой,
Беседу о любви ведут согласно.

Данте

ЧАСТЬ I

ЛЮЧИЯ

1

НАПАСТИ ЖИЗНИ

Во сне она всегда видела себя богатой...

Спала она, вернее, отсыпалась, днем, и сны были продолжением ее ночей, проведенных в каком-нибудь казино у богатого синьора или в «Ридотто», самом знаменитом игорном доме Венеции. Ее жизнь была как одна сплошная греза о том случайном и счастливом соединении богато одетых людей, заморских слуг и драгоценностей, которое зовется роскошью.

Лючия высунула нос из груды мехов — не раздается ли манящий запах кофе, а еще лучше — горячего шоколада, самого модного напитка в этом году. Ах, что может быть приятнее, чем проснуть-

ся в теплой постели, в нагретой жаровнями спальне, и долго, медленно вкушать чашку шоколада, смешивая сладкие глотки с еще более сладкими мечтами...

Забывшись, она слишком резко откинула мех и тотчас задрожала.

Холодный ветер коснулся ее лица. В окне было разбито одно стекло, а промасленная бумага, старательно расписанная золотой краскою под вид затейливого переплета, могла обмануть невзыскательный взор, но уж никак не январскую стужу!

Холодно, сыро, и все ее наряды, поутру небрежно сброшенные у постели, так и валяются неприбранными. Похоже, никто из слуг даже не вошел за весь день в ее комнату!

Никто из слуг... Точнее будет выразиться: Маттео, их единственный слуга, не сыскал за весь день ни минуты, чтобы зайти к госпоже. Не иначе, отец опять его заслал бог весть куда с каким-нибудь несусветным поручением: ведь когда князь Анджольери вез на рассвете Лючию из «Ридотто», дом был темен и пуст, как могила.

Анджольери! Лоренцо Анджольери! В жизни своей не встречала Лючия человека, менее похожего на ангела¹. Было в его лице что-то если уж не дьявольское, то наверняка волчье: глубоко посаженные глаза, хищный нос, крупные острые

¹ Angelo — ангел (*ит.*).

уши. Красавцем не назовешь, но какое страстное, притягательное лицо... даже если забыть о том, что для Лючии было куда притягательнее внешности: несметные богатства Анджольери.

От этого чудесного воспоминания Лючия помрачнела. Не переставая кутаться в мех, она сползла с постели и, хвала Мадонне, не промахнулась, попав с первого раза в тувельки. Нашарила на столе подсвечник и ощупью побрела в залу — искать, от чего можно зажечь свечу.

Где-то вдали играла музыка, толпа журчала, точно река по каменным плитам. В окна было видно, как храм Святого Марка мерцал разноцветными отблесками, а над его причудливыми куполами стужалась яркая вечерняя синева.

— Ох, ну и заспалась же я! — пробормотала, зевая, Лючия. — Надо поспешить. Пока соберусь... князь обещал заехать не позднее полуночи.

Ей стало знобко даже под мехом при воспоминании, как смотрел на нее Лоренцо, прощаясь: Лючия уже стояла на ступеньках террасы, а он — в гондоле, так что лица их были на одном уровне, и казалось, достаточно малейшего колебания волны, чтобы губы их соприкоснулись. И он прошептал — Лючия ощутила его жаркое дыхание:

— O bella donna¹, вы приобрели сегодня дурное знакомство! Я распутник по профессии!

За этими многообещающими словами, увы,

¹ Прекрасная дама (*ит.*).

ничего не последовало, и Лючия после неловкой паузы ушла в дом, усмехаясь про себя. Право же, Анджольери слишком мало еще прожил в Венеции, чтобы вести о похождениях несравненной Лючии Фессалоне дошли до его ушей, а впрочем... впрочем, он будет только счастлив узнать, что она дает куда больше, чем обещает, — хотя и обещает безмерно!

О господи, но где же отец? Где Маттео? Есть хоть кто-нибудь в этом темном доме?.. И тотчас послышался легкий шорох шагов по мраморным плитам. Лючия узнала торопливую, чуть заплетаящуюся походку Маттео и с облегчением вздохнула. Сейчас он зажжет свет, подаст вина, принесет жаровню, согреет воду для ванны, сбегает в лавочку — у нее кончилась розовая пудра, а нынче ночью она хотела быть перед Лоренцо непременно в розовом, ну и волосы, разумеется, должны быть напудрены. Розовое и золотое — она будет похожа на дивное лакомство, которое Лоренцо непременно захочет отведать. Но ему и не снилось, сколько будет стоить каждый глоточек, каждый кусочек...

Однако появление Маттео с трехсвечником в руке не развеяло ее дурного настроения, ибо стоило взглянуть на лицо верного слуги, испещренное тенями смятения, как стало ясно — случилось нечто ужасное.

— Что произошло? — воскликнула Лючия. — Где ты был? Почему меня не разбудили раньше? Где отец?

— О синьорина... синьорина, — прошептал Маттео и осекся.

— Ради всего святого! — топнула Лючия. — Ты меня пугаешь! Немедленно отвечай, что случилось, и давай приготовь мне ванну. До полуночи не больше трех часов, а ведь надо еще одеться, причесаться. Если мы заставим ждать князя Анджольери, отец будет очень недоволен, ты ведь знаешь!

Она ожидала от Маттео чего угодно: извинений, оправданий, торопливых хлопот, но только не этой grimасы боли, искривившей лицо старого слуги.

— Он умер, синьорина Лючия! Ваш батюшка умер! О, *porca Madonna*¹, лучше бы я оказался на его месте!

И Маттео зарыдал в голос.

* * *

Отец умер!.. Судя по словам Маттео, отец умер мгновенно: мощным ударом он был сброшен в канал.

Маттео сообщил еще одну леденящую душу подробность, подтверждающую, что смерть Бартоломео Фессалоне — продуманное убийство, а не случайность: после того как несчастный достаточно долго пробыл в воде, чтобы наверняка умереть, труп его положили на ступеньки палаццо,

¹ Итальянское выражение проклятия.

спускавшиеся в уединенный маленький каналетто, а к борту камзола прикрепили записку: «Impressario in angustia» — «Импресарио в затруднении». Точно так называлась одна из опер-буфф Чимарозы, и дело было даже не в этом: Фессалоне давно прозвали Импресарио, ибо именно его хлопотами и заботами прекрасная Лючия стала той, кем стала: опасной светской авантюристкой и охотницей за мужчинами — вернее, их кошельками. И вот теперь impressario in angustia... а что же делать его актрисе?!

Она была так ошеломлена, что даже не могла плакать, и только недоверчиво вглядывалась в залитое слезами лицо Маттео.

О, Мадонна, что же сделал, что же мог сделать отец?!

Наверное, в отчаянии она выкрикнула вслух свои мысли, потому что Маттео удрученно покачал головой в ответ:

— Не знаю, синьорина. Этого я не знаю. Однако же вот что скажу вам: батюшка ваш — упокой господь его душу! — похоже, предчувствовал свою внезапную кончину и не единожды наставлял меня: «Маттео, — говорил *principe*¹ (верный слуга упорно именовал своего господина князем, хотя у того не было за душой ничего, кроме рассказов о былом великолепии рода Фессалоне), —

¹ Князь (*ит.*).

Маттео, — говорил он мне, — тебе одному из всех людей я верю и только тебе могу вручить судьбу моей дочери. Запомни: если, упаси бог, я исчезну, если со мной что-нибудь случится, немедленно отведи синьорину в мой тайный кабинет и открой секретный ящичек в стене — ты знаешь, о чем речь! Там она увидит свиток бумаг. Пусть прочтет их сразу, как только узнает о моей смерти. И если после этого она пожелает покинуть Венецию, даже не бросив горсти земли мне на гроб, знай, что я на том свете не буду на нее в обиде». Клянусь Мадонной, синьорина, — Маттео воздел два пальца, приняв самую торжественную мину, — *grinсіре* говорил мне именно эти слова, а потому, прежде чем вы увидите его мертвое тело, извольте последовать за мной в его кабинет.

— Да ты спятил! — возмущенно воскликнула Лючия. — Убит мой отец, а я пойду читать какие-то старые письма?! Я должна узнать, кто свершил злодеяние, чтобы отомстить, а ты...

— А я, — перебил Маттео так твердо, как никогда еще не осмеливался говорить со своей госпожой, но при этом глядя на нее в восхищении, — а я настаиваю, чтобы вы прежде всего пошли и исполнили последнюю волю покойного.

Лючия глянула на Маттео с меньшим негодованием. Что ж, если так хотел отец... Она всегда поступала по его воле и ни разу не жалела об этом. Надо думать, не пожалеет и сейчас.

Лючия засветила свою свечу от тех, что держал Маттео, и холодно спросила:

— Чего же ты стоишь? Отец, кажется, велел отвести меня в его кабинет? Ну так веди!

И они пошли.

К удивлению Лючии, они без остановки миновали ту комнату, которую она всегда считала кабинетом князя: Маттео прошел через нее торопливо и ввел Лючию в просторную мыльню, где в бассейне тускло поблескивала вода. Ступая как можно осторожнее, чтобы не поскользнуться на порфириновом влажном полу, он проследовал в нишу, где стояла назначенная для отдыха низкая, разлапистая скамья с удобно выгнутым изголовьем в виде лежащего грифона¹, и нажал на вполне обычную с виду каменную плиту. Скамья легко отъехала в сторону, и трепетный свет вырвал из мрака ступени узкой и крутой лестницы, ведущей куда-то вниз.

Конечно, это был никакой не кабинет, а просто каморка, находящаяся столь глубоко в подвалах дворца, что здесь царила особая промозглая сырость, и Лючии даже почудилось, будто она слышит тяжелое течение вод каналов, огибавших палаццо Фессалоне.

Лючии неудержимо захотелось взбежать по лестнице, предав забвению это хранилище отцовых тайн вместе с ними со всеми. Почему-то казалось, что ничего хорошего ей не даст чтение ка-

¹ Сказочный птицелев.

ких-то там заплесневелых писем. И предчувствия ее не обманули.

Лючия нехотя развернула первый пакет и увидела стремительный наклонный почерк:

«Дорогая моя Лючия! Если ты читаешь это письмо, значит, человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне, уже нет на свете. Похоже, кто-то из тех, перед кем я не раз грешил, наконец-то помог Паркам перерезать неровную нить моей жизни...»

Маттео так глубоко вздохнул в своем углу, что Лючии померещилось, будто вся тьма подвальная издала потрясенный вздох.

Что это значит, рогса *miseria*¹: «Человека, известного тебе под именем Бартоломео Фессалоне»? Так это не настоящее имя отца?

Обернулась к Маттео — из мрака поблескивали только его глаза: свеча отражалась в непролитых слезах:

— Ты знаешь, что здесь написано? Ты читал это?

— Да, — шепнул Маттео.

Ну разумеется! Этот хитрец всегда знал о своих хозяевах все и даже больше!

— Это правда — что пишет отец? Нет, быть не может!

— Умоляю вас, синьорина, читайте дальше не

¹ Черт возьми (*ит.*).

мешкая, — скорбно пробормотал Маттео. — И знайте: здесь все истинная правда, каждое слово!

Лючия хотела, по своей всегдашней привычке, заглянуть в конец письма, но почему-то побоялась взглянуть на подпись и, обреченно вздохнув, вновь принялась читать.

* * *

...Многое, очень многое я унесу с собой в могилу, и плевать мне на все проклятия, но хотя бы на том свете мне хотелось бы получить прощение от единственного существа, кое я истинно любил всю жизнь и перед кем повинен всех более. Это ты, Лючия...

Первый раз пишу тебе, не осмеливаясь более назвать дочерью, ибо, хотя я любил тебя со всей отеческой нежностью, ты мне, увы, не дочь. О, тебе никогда не узнать, сколько раз я проклял себя за свершившееся... но что проку в оправданиях! Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад — где я сейчас, надо полагать, и варюсь в самой что ни на есть кипучей смоле, на самом жарком огне, который только может разжечь нечистая сила.

Но позволь мне поведать тебе о том, что произошло 18 лет назад.

Бьянка Фессалоне, та женщина, которую ты, никогда не видя, привыкла почитать своей матерью, тогда была еще жива. Она только что разрешилась от бремени, произведя на свет мертворо-

жденную дочь. О Матерь Божия, наш ребенок, о котором мы с моей возлюбленной супругою столько лет бесплодно мечтали, родился мертвым!

Я был вне себя от горя, я умолял доктора приложить все усилия, я обещал отдать все, что у меня есть, для спасения жены, однако этому мерзавцу не было никакой охоты возиться с умирающей, а потом выслушивать проклятия безутешного супруга и, чего доброго, лишиться гонорара.

— Господь милосерд, — изрек он равнодушно, — и все мы — его дети. Пусть синьора пока полежит, объятая спасительным сном, а я сейчас отправлюсь к русскому князю Казаринофф — его супруга вот-вот должна разродиться! — и потом ворочусь к вам. Впрочем, извольте вперед расплатиться, синьор!

Я сунул ему горсть цехинов, две горсти... я не соображал, что делаю. Я знал доподлинно: если даже Бьянка очнется, весть, что ребенок погиб, убьет ее быстрее пули, попавшей в сердце. В то время как сладостный крик младенца мог пробудить ее к жизни!

Решение родилось в моей голове мгновенно. Я не чувствовал себя ничем обязанным равнодушному врачу — я ненавидел его, как лютого врага. Он вышел из мрачной спальни — я за ним. Он ступил на крыльцо — я взмахнул рукою... Он упал. Я обшарил его карманы, взял его сак с инструментарием. Я не мог оставить доктора валяться здесь: очнувшись, он мог выдать меня. Один тол-